

ОКТАВА

Окта́ва (от лат. *octavus*, «восьмой») – музыкальный интервал, в котором частота высокого звука в два раза больше низкого. Два звука, отстоящие на октаву, воспринимаются очень похожими друг на друга, хотя явно различаются по высоте.

1.

Вы спрашиваете: «Зачем всё это»?

И я, как будто понимая, о чём речь, отвечаю: «Пожалуй, мы этого не узнаем, пока не поймём – почему? Иногда кажется, что это один и тот же вопрос – если вы не Леонардо, который на первый вопрос пожимает плечами, а на второй отвечает: «Попалась на глаза одна девица».

Ему попадается девица, получается «Беатриче Д’Эсте», и мы немеем. Но пишет он её не за этим. И это всего лишь «Беатриче Д’Эсте». А есть ещё – целый мир, населённый существами, способными им восхищаться, любить, страдать, переделывать его, умирать, испытывать мгновения неизъяснимого блаженства и чёрного отчаяния, сложный до такой степени, что постичь его не представляется возможным. И удручённый своими несчастьями, человек спрашивает: «Зачем?». Если ему повезёт, нечто в традициях Леонардо ответит: «Потому что это прекрасно, и мне захотелось. Может быть вам незнакомо это чувство – неудержимое желание создавать прекрасное? Как жаль. Значит вам невдомёк, что не будь такого желания, не было бы и вас самих с вашим вопросом».

Так я, думая, что понимаю, о чём речь, мог бы ответить. Но и это, кажется, не ответ. Если у взрослого, широко образованного человека, даже верующего отчасти, возникает такой вопрос – почему он не приходит в голову мне? Я живу в этом мире на равных со всеми, никакой особой благодати удостоен не был, и чаще всего мы прекрасно понимаем друг друга, а на самом деле нас оказывается разделяет пропасть. Я не желаю оставаться в таком одиночестве. Я хотел бы, по крайней мере, объяснить, что удерживает меня от вопрошания «зачем», чтобы не казаться себе белой вороной.

Мне кажется, разница между двумя вопросами обнаруживает важную причину человеческого недоумения. «Зачем» – предполагает «для чего», цель, отсутствие чего-то, чего хотелось бы добиться или приобрести, и ничего ещё не говорит о движении или действии. Кроме того, в этом вопросе прячется сослагательное наклонение: хотелось бы, конечно, но если слишком дорого обойдется...

«Почему» – свидетельствует о присутствии побудительной причины, внутренней движущей силы, непосредственно переходящей в действие. Она может быть отвлечённой потенцией, ещё даже не связанной с определёнными целями, которые иногда формируются по ходу дела. Можно, например, представить её неустранимой этической необходимостью блага, нравственным требованием добра или совестью. Такая причина способна сама собой вызвать Бытие к существованию. Недаром в попытке осознать мироздание первым стоит вопрос: «Почему существует нечто, а не ничто»?

Утратив представление о такой потенции – или не сумев обнаружить в себе какую-то её разновидность – человек сводит свой горизонт к случайным желаниям, которые можно осуществить или не осуществлять, и которые имеют очень условное отношение к добру или благу. Мир становится запутанным и бесплодным, и у бескрылой души остаётся один, горький вопрос: «Зачем?»

Но таким ответом я загоняю себя ещё дальше от всех, кого, поспешив, непростительно назвал «бескрылыми душами». Этакая крылатая белая ворона.

И теперь меня уже поторапливают. Говорят – живём быстро, если хочешь что сказать – начинай и говори кратко, ибо времени мало.

Хорошо. У вас нет времени, я знаю. Всё, о чём я прошу – это восемь минут вашего внимания. Всего восемь минут. Вы только не верьте, что эта напасть свалилась на нас недавно, и что прежде можно было расслаживаться. Я ничего не сочиняю, я следую Декарту – четыреста лет назад, абсолютная монархия, никто не торопится. А он сказал, что мышлением можно заниматься четыре часа в месяц. Не больше. Поскольку это не в человеческих возможностях. Вот так. Можно в уме: в четырёх часах – двести сорок минут, стало быть, в день нам полагается думать – восемь. И всё. Каблук. Весь остальной день мы не мыслим, занимаемся чем-то другим. Если вы решаете проверить Декарта и продолжаете это занятие, думая, что думаете – вы обманываете себя и никаких мыслей не производите.

Вы можете сказать, что и это заявление было сделано не так уж давно. Тогда читайте Платона. И он жаловался на жуткий труд мысли... Мысль, мол, доступна человеку на пределе напряжения всех его сил. Так что временем мы ограничены с самого начала, и вопрос не в темпе, а в том, на что и сколь умело мы этот краткий просвет употребляем – то есть, если вообще его используем.

И получается следующее.

Например, мы хотим за восемь минут в день урегулировать общество. На основах чести, совести и достоинства. Вот они пред нами маячат, все три основы. А часы тикают. Семь девятнадцать, семь восемнадцать, семь семнадцать... Значит, прежде всего нам следует... Четыре одиннадцать, четыре десять, четыре девять... А! Вот что! Сначала и немедленно – образование. Одна три... одна две... И всё. Где-то тут витали... честь, достоинство... всё рассеивается. Звонок. До завтра.

Эхо ещё звучит: какое-то образование... что-то мы решили предпринять... Отдыхаем. Следующая сессия через двадцать четыре часа. Может, как-то подготовимся, обдумаем заранее? Нельзя. Декарт запретил – пустое, бесполезное будет занятие. Не тратьте времени.

Вот эти восемь минут я у вас и прошу. Три уже прошли.

Убедимся сначала, не произвольна ли эта цифра.

Число восемь не так нам знакомо, как семь или, скажем, девять. Тем больше оснований присмотреться: что это оно так уклоняется от наблюдения.

Мир, как нам оказалось удобным вообразить, был сотворён в семь дней, точнее – в шесть: на седьмой Творец уже отдыхал, пока мы приступали к освоению его творения, чем и занимаемся до сих пор. И этот библейский седьмой день всё длится и длится. Если когда-нибудь кончится и он, за ним должен будет следовать восьмой, октава первого. Но такого дня мы не знаем. Его номер существует в арифметике, но не в наших временных расчётах. Мы окончательно упёрлись в семёрку: семь нот, семь цветов радуги, семь чудес света, семь пар

чистых и нечистых, семь кругов Ада (Данте насчитал девять, но мы-то знаем, что смертных грехов – тоже семь), седьмое небо и так далее... Семь римских холмов, семь московских, ну, вы знаете. И назад – к первому дню седмицы.

Это если следовать законам явленного мироздания. Находясь в его пределах, ничего нового мы выдумать не можем, хотя сами были сотворены по образу и подобию, и нам предложено творение продолжать. Как – мы не знаем. Однако, кое-что там уже происходит: на восьмой день воскресает Иисус (нам привычен третий, но после Страстной недели это восьмой). Семья Ноя из восьми человек начинает новую попытку человечества – главным образом всякие чудеса. Но вот тот, кто объясняет свои шедевры тем, что увидел какую-то девицу... Мы ведь тоже смотрим на разных девиц. А ему она откуда-то так приглянулась, что вышло чудо. Может быть, оттуда.

И поскольку оказываться там ему приходится, не покидая текущего времени – с красками, кистями, холстом – удобно обозначить это состояние несуществующим в природе Восьмым днём. Нам даже кое-что внятное о нём известно. Вроде того, что частота чего-то там в два раза выше...

Вот и наш общий дом, Солнечная система, укромный уголок нашего обитания – ему бы в самый раз подчиниться звёздно-календарным расчётам, а он продолжает нам планетами своими напоминать: да восемь же, восемь... Ну, и математики, конечно, выбрали для обозначения бесконечности именно восьмёрку и, как бы особо подчёркивая важность этого символа, положили её набок, чтобы мы не прошли мимо, споткнулись.

Выходит, восемь – число многообещающее, не случайное.

Кое-что об этом должны знать наши художники, те кто откликается на предложение Создателя независимо от условий, и просто в соответствии со своим природным даром без усталости привносят в мир откуда-то нечто новое – «Дон Кихота», «Стабат Матер», «Божественную комедию», ту же «Беатриче». Но мы уже убедились, что даже если задавать им грамотный вопрос, в ответ получим какую-нибудь постороннюю нелепость: Сервантес наблюдал агонию какого-то старичка, Дворжак похоронил сына, Данте заглянул в колодец и так далее... Застанем их врасплох, на этот раз зададим вопрос в лоб, без церемоний: зачем они туда навешиваются, зачем нам нужны «Короли Лир»? То есть, если они иначе не могут – это их личное дело. Но какое отношение к нам имеет их неутомимая деятельность?

И Бетховен отвечает: «Если бы люди по-настоящему услышали мою музыку, они стали бы счастливы». О-о-о! Не удовольствие получили, не всплакнули, не порадовались, а прямо-таки обрели счастье! Чего-то мы, стало быть, не слышим.

Мы думаем, что художник ждёт от нас одобрения, похвалы. И он часто соглашается, что, может быть, и этого, как внешнего подтверждения его не-бесполезности. Но тут же кается, что это всё же свидетельство человеческой слабости, вечно остающейся неудовлетворённой, ибо находится она в области удовольствий, приятностей с обеих сторон. Ждёт же он от нас оказывается самостоятельных, не имеющих к нему самому отношения действий – усилия услышать по-настоящему. А мы таких усилий не предпринимаем, потому что незачем, потому что знаем, чего следует от искусства ждать. И вероятно заблуждаемся. Например, вот так:

Если ты замечаешь в одном из Рождественских стихотворений Иосифа Бродского слово «ихний»...

Морозное небо над ихним привалом
с привычкой большого склоняться над малым

сверкало звездой – и некуда деться
ей было отныне от взгляда младенца...

...и оно останавливает твоё внимание до такой степени, что вызывает потребность обсудить стилистическую небрежность автора, это значит, что ты ждал от стихотворения не того, что оно способно с тобой сделать; что ты – любитель поэзии, между прочим – подходишь к нему в специфическом контексте понятных, как тебе кажется, клише: бродский, христианство, нобелевский лауреат, стихи, грамотная речь (там можно наткнуться ещё и на «хужей» или «окромя») – то есть, уже заряженный тем, что отношения к самому стихотворению не имеет. И стих проходит мимо, ты его не слышишь.

Так часто бывает. Вовсе не потому, что мы не умеем воспринимать искусство, а потому, что не знаем, зачем оно нам, чего можно от него ждать. И берём то, что уже известно, что и так под рукой, что ничего не прибавляет ни миру, ни нам самим. Иногда нам может даже что-то понравиться, как красивое, остроумное, необычное, или пробудить некое волнение из-за сходных переживаний. Но это всего лишь повторение, без развития, не требующее внутреннего усилия.

Чтобы услышать стих целиком, вдохнуть его предгрозовую озонный воздух, нужно внутренне открыться, распахнуться, рискуя испытать сотрясение, а то и боль – тогда услышишь то, чего никак не ожидал, не мог ожидать, не знал о существовании такого, и не узнал бы без этой встречи. Нечто иное, «окромя ихних»... И если не обретёшь счастья сразу, по крайней мере убедишься, что оно есть, почувствуешь его истинный вкус. Художник признался, что ему было заповедано: «Глаголом жги сердца людей». Что же – сжигай-испепеляй? Согревай-утешай? Подогревай-весели?

Возжигай-воспламеняй. Часто причиняя мгновенную боль сопереживания, потрясения. Эта боль даёт возможность слышать. Когда вспоминаются слова «Искусство требует жертв», видимо следует иметь в виду, что оно требует их и от нас.

Творец и художник самой природой своей предназначены и обречены творить, нам же оставлена свобода выбора, которой мы охотно пользуемся, от жертв и творчества, себе на беду, уклоняясь. А настоящее наше место, которое ещё только предстоит занять, являет собой третью, последнюю сверху ступень в творческом содружестве Бытия.

Может быть – *затем*, чтобы на эту ступень подняться...

Вот теперь время истекло. Может быть завтра согласитесь ещё минут на восемь.